

кой перспективы; авторы здесь сильнее всего теряются в ряде мелких фактов, не будучи в состоянии сколько-нибудь над ними подняться. В виду того, что в лирических излияниях автор легче всего мог дать простор любому течению своих мыслей, — тем более, что он здесь не чувствовал себя связанным ни часто меняющимся размером, ни строфичностью (которая встречается здесь лишь изредка), — недостаток этот чувствуется здесь наиболее ярко. Бодрящая струя, которая играла еще довольно заметную роль в лирике рокошан, теперь, в виду изменившихся обстоятельств, совсем почти исчезает — разлагающийся организм шляхетской Речи Посполитой не располагал к особенному оптимизму даже представителей господствующих классов. Если тут теперь и выступают среди множества стенаний и жалоб ноты оптимизма, то они явно представляются искусственным приемом, который нужен «вождям» для того, чтобы поддержать более бодрое настроение в широких кругах. В других же случаях авторы политической литературы этого времени предпочитают избегать даже самой постановки вопроса о более отдаленном будущем, либо, наконец, пытаются «разрешить» его в том смысле, как это было свойственно в ту эпоху, когда пользовались известной популярностью наполненные разными суевериями и предрассудками «*Nowe Ateny*» Бенедикта Хмелевского. Средняя шляхта, воспитывавшаяся преимущественно в иезуитских школах, выносила отсюда узко-клерикальный дух нетерпимости к иноверцам и враждебное отношение к новейшим достижениям культурной жизни на Западе. На первый план теперь выступает ненависть ко всяким «лютрам», которую еще усилят потом конфедераты в условиях новой еще более обостренной борьбы. Если же нужно было все же чем-нибудь заменить утраченный оптимистический взгляд на будущее, то выдвигалось понятие «*Opatrzności*», в качестве последнего пристанища. Тем самым впервые столь ярко демонстрировалось бессилие своего собственного ума.¹

Однако, и в саксонскую эпоху произошло некоторое оживление в области лирической анонимной поэзии, насыщенной политическим содержанием. В связи с наступившим в 30-х годах XVIII в. бескорольем, после смерти Августа II появляется целый ряд памфлетов, различных сатирических характеристик, «плачей», диалогов, «пророчеств», — словом, опять повторяются в основном те отделы анонимной поэтической лирики, которые были уже представлены в эпоху рокоша Зебжидовского и в итальянской литературе XV—XVI вв. В виду того, что произведения эти в подавляющем большинстве случаев до сих пор не появлялись еще в печати, считаю

¹ Общую характеристику саксонской эпохи см. у проф. Иос. Фельдмана: *Czasy Saskie*, Biblijoteka Narodowa, serja I, № 110, и у проф. Конопчинского: *Enc. Akad. Umiej.*, t. V.